

УДК 37.016:821.161.1
ББК 74.26.84 (2Рос+Рус)6

Н.А. Выдрина

**СОВРЕМЕННОЕ
ПРОЧТЕНИЕ РОМАНА
М.А. ШОЛОХОВА
«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»
НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ
В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ**

В статье рассматривается реализация в школе современного подхода к прочтению романа М.А. Шолохова «Поднятая целина». С этой целью используется анализ его композиции, задания на домысливание, прием сравнения «Поднятой целины» с романом «Тихий Дон», выявление авторской оценки через «сцепление» деталей, сопоставление разных точек зрения литературных героев, что позволяет старшеклассникам понять: роман «Поднятая целина» не только следует заданной социологической схеме, но и отличается многомерностью, объемностью в изображении времени и общечеловеческих проблем.

Ключевые слова: социологическая схема, композиция, положительные и отрицательные герои, полифонизм.

Выдрина Наталья Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и теории обучения Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова
E-mail: linavinnik@mail.ru

При обращении в школе к роману «Поднятая целина» М.А. Шолохова учителю приходится преодолеть немало трудностей, связанных с его оценкой. Прежде всего, изучение этого произведения должно быть органически включено в систему уроков по творчеству писателя, которая предполагает вначале знакомство школьников с романом «Тихий Дон». Рассматривая композицию романа «Тихий Дон», важно дать учащимся почувствовать и особую тональность лучшего произведения писателя. С этой целью можно, например, выразительно прочитать вторую главу первой части первой книги, в которой описывается, как юный Григорий Мелехов с отцом Пантелеем Прокофьевичем поймали сазана, «словно слитого из красной меди». [Здесь и далее тексты романов М.А. Шолохова даны без ссылок на страницы по: Шолохов, 1980]. Такое чтение поможет учащимся почувствовать, как М.А. Шолохов передает самодвижение жизни, ее поэзию в устоявшемся и естественном быте, строе души. Обратим внимание учащихся и на то, что эпиграфами к первой и третьей книге «Тихого Дона» становятся строки из старинных казачьих песен, что песня часто «звучит» на страницах романа. Наступившее жесткое время разрушает, ломает судьбы. М.А. Шолохов показывает высокую трагедию людей, захваченных этим вихрем. Народная жизнь и жизнь отдельного человека в «Тихом Доне» изображаются не однобоко, а глубоко, объемно.

«А как же воссоздается она в романе “Поднятая целина”?» Опираясь на одиннадцатиклассников, прочитавших произведение М.А. Шолохова целиком, учитель спрашивает: «Какие герои романа изображены как положительные, а какие – как отрицательные? Почему?» Положительные герои, отмечают учащиеся, – это, прежде всего, коммунисты гремяченской ячейки: двадцатипятидесятничник Давыдов, Нагульнов, Разметнов; Половцев, Лятевский, Островнов, Тимофей Рваный – явно герои отрицательные. Между этими двумя полюсами – казаки, тяготеющие к той или другой стороне, и в зависимости от этого оцениваемые или положительно, как, например, Майданников, если они чувствуют симпатию к советской власти, или же отрицательно, как, например, Банник. Врезаются в память те жестокие дела, которые творят «враги»: здесь и убийство застигнутого врасплох Хопрова и его беззащитной жены, и страшная смерть матери Островнова, в которой виновен ее сын, и вызванный Островновым падеж быков с целью вредительства колхозу. Лятевский ценой предательства спасает свою жизнь, выдавая чекистам рядовых казаков (кн. 2, гл. XXVI), то же делает впоследствии и Половцев, впрочем, даже не надеясь на помилование (кн. 2, гл. XXIX).

Давыдов, Нагульнов и Разметнов показаны в романе иначе. При раскулачивании Давыдов – скорее страдающая сторона, так как он от Титка Бородина получил два удара по голове железной занозой. Во время бабьего бунта Давыдов ведет себя сдержанно, уговаривает женщин. Перегибы Нагульнова, который, собирая семенной хлеб, избил Банника и запер в сельсовете колхозников, осуждаются товарищами по партии. Убивая до этого стрелявшего в него Тимофея Рваного, Нагульнов действует иначе, чем его классовые враги: «Макару было ловко стрелять. Тимофей стоял, удобно подставив левый бок, слегка повернувшись корпусом вправо, все еще настороженно к чему-то прислушиваясь. <...> Секунду Макар помедлил. Нет, он, Нагульнов, не какая-нибудь кулацкая сволочь, чтобы стрелять во врага исподтишка! И Макар, не меняя положения, громко сказал: “Повернись лицом к смерти, гад!”» (кн. 2, гл. XI).

«А ощущается ли жесткая заданность социологической схемы в композиции романа?» – спрашивает далее учитель. Ученики отмечают, что она, бесспорно, имеется. Эта заданность проявляется, начиная уже с завязки романа и оканчивая заключительными его страницами. В Гремячий Лог приезжают есаул Половцев и двадцатипятидесятничник Давыдов. Цель Давыдова – создать колхоз, цель Половцева – не допустить этого и свергнуть советскую власть на Дону. С большими трудностями, преодолевая саботаж врагов и приверженность середняков к частной собственности, колхоз создается. Казаки учатся жить по-новому: обсуждают нормы выработки, распределяют людей по бригадам и т.д. Враги убивают Нагульнова и Давыдова, но их дело продолжено, а выступавшие против советской власти понесли заслуженное наказание. Смерть Давыдова и

Нагульнова вызывает у читателей печаль, в описании же нелегких судеб многих других персонажей звучит некая облегченная нотка, не ощущается трагедийное начало. Можно сказать, ни за что погиб молодой парень по прозвищу Дымок, выросший без родителей [кн. 1, гл. XXXVII). Но никаких сожалений о загубленной жизни в романе нет: «Кроме тетки, некому было горевать о безродном парне, а девки, обученные Дымком несложному искусству любви, если и погоревали, то недолго».

Сопоставляя тональность романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина», ученики замечают, что в «Поднятой целине» автор почти не обращается к старинным казачьим песням. Только один раз песня цитируется в связи с упоминанием о старине, но не «звучит» в живом исполнении. Учитель помогает школьникам понять, что жизнь, изображенная в романе «Поднятая целина», в значительной степени лишена того многоцветья красок, глубины чувств, которые предстают перед читателем в романе «Тихий Дон». Только ли это результат следования социологической схеме? По-видимому, здесь имеет место и то обстоятельство, что М.А. Шолохов отражал сложившуюся уже к тому времени новую реальность, в которой «борьба подмяла, сделала как бы лишними все другие сферы жизни (семью, материнство, доброту), искорежила общечеловеческие высшие ценности» [Чернова, 1991, с. 213].

Что же оказывается важным? Проведение сплошной коллективизации, подавление сопротивления кулаков и им сочувствующих. Стихию же любви представляют в романе главным образом не являющиеся положительными герои – Тимофей Рваный и Дымок. У коммунистов же классовый подход проявляется даже в личной жизни.

Нагульнов, прощая Лушке измену, выгоняет ее после того, как она при всем народе «в слезы ударилась» по кулацкому сыну. Андрей Разметнов расстается с Мариной Поярковой, так как она вышла из колхоза. Давыдов, встречаясь с Лушкой, боится за свой председательский авторитет; по выражению Лушки, «заслоняется» от нее севом.

А что можно сказать о второй книге «Поднятой целины»? В ней говорится о том, что колхоз уже создан: проводится сев, работают бригады. В этой книге, которая по объему даже больше первой, весьма подробно описываются веселые приключения деда Щукаря, его полные юмора рассказы. Зачем они нужны здесь? Если бы исключить страницы, описывающие деда Щукаря, увлечение Нагульнова петушиным боем и другие, не имеющие к основной канве романа детали, что осталось бы? Ученики отмечают, что осталось бы схематичное описание, как в колхозе пахут землю и сеют, как работают ударники и как принимают в партию передовых колхозников. Таких произведений о колхозной деревне было впоследствии немало. Читать их невероятно скучно. М.А. Шолохов же, подчеркивая «чуждинку» ряда героев «Поднятой целины», сделал повествование более ярким и показал, как несломленная до конца народная

душа проявлялась и в метком слове, и в юморе, и в радости привычной работы, и в тонкой наблюдательности. Жизнь, хотя и загнанная в жесткие рамки, брала свое: люди рождались, влюблялись, умирали, весеннее обновление степи сменялось запахами разнотравья, а затем – осенними дождями и позолотой в листве тополей.

Как видим, М.А. Шолохов стремится оживить заданную схему. Содержание его романа значительно глубже, чем может показаться на первый взгляд. Это проявляется и в композиции романа, и в его полифонизме, и в описании пейзажей, подчеркивающих вечные начала жизни, и в отсутствии только черных или белых красок в обрисовке как положительных, так и отрицательных героев.

Обратимся, например, к композиции романа. В его начале изображается проезд в хутор Гремячий Лог в конце января 1930 г. есаула Половцева и двадцатипятилетнего слесаря Путиловского завода Семена Давыдова. Зададим учащимся вопрос: «С какой целью прибыл каждый из них в Гремячий Лог?» Школьники отмечают, что цель Половцева – организация восстания на Дону против советской власти с опорой на связи с Москвой и за границей. Семен Давыдов прибыл в хутор для проведения сплошной коллективизации. В райкоме партии ему дают инструктаж по этому вопросу. Как видим, отмечает учитель, Давыдов и Половцев выступают как антагонисты, цели у них разные. Но у них есть и нечто общее – они прибыли в Гремячий Лог *извне*, их появление вовсе не вызвано насущными потребностями жизни гремьяченцев.

Спокойная жизнь хутора нарушена. И Давыдов, и Половцев начинают действовать. Давыдов проводит собрание бедноты, на котором принимается решение о конфискации имущества кулаков и их выселении. По поручению Половцева, Островновым организуется сбор казаков, завербованных в «Союз освобождения родного Дона».

Рассматривая эти сцены, задаем одиннадцатиклассникам вопрос: «Все ли бедняки были согласны с решением собрания о выселении кулаков? Все ли казаки согласились участвовать в восстании против советской власти?» Ученики отмечают, что на собрании бедноты свое мнение имел Тимофей Борщев. А казак Хопров отказался участвовать в восстании против советской власти. «Хопров за это поплатился – его с женой убили по приказанию Половцева, чтобы заговор не был раскрыт», – говорит далее учитель. Но и судьба Тимофея Борщева, отмечает словесник, могла быть не менее трагична: «Давыдов спросил, будто нож к горлу приставил: “Ты за советскую власть или за кулака?”» Искренний ответ вполне мог стоить Тимофею жизни. Сломленного Борщева буквально заставляют голосовать.

Эти увиденные школьниками «сцепления» в композиционном построении романа помогают им понять: гремьяченцы оказываются «коловертью втянутыми... в события» (кн. 1, гл. III), в яростную борьбу. А она обнару-

живает себя в жестоких проявлениях и с той, и с другой стороны. И от этой жестокости в первую очередь страдают невинные люди. Детей раскулаченного Гаева зимой выгоняют из собственного дома. Что их могло ожидать в ссылке? Об этом в романе умалчивается, но восприятие школьниками изображаемой писателем эпохи станет глубже, если учитель рассмотрит «Поднятую целину» на широком литературном фоне, в контексте всей литературы, посвященной «году великого перелома», привлекая произведения В. Гроссмана «Жизнь и судьба», В. Тендрякова «Хлеб для собаки», Ф. Абрамова «Поездка в прошлое» [Чернова, 1991, с. 93, 100].

Жертвами жестокой борьбы оказываются и жена Хопрова, и мать Островнова, причем каждая из противостоящих сторон убеждена в необходимости этих жертв. Давыдов считает, что если не выселить из хутора раскулаченных, они не дадут строить колхоз. Чета Хопровых и мать Островнова могут выдать сторонников «Союза освобождения родного Дона», поэтому их убивают. Впрочем, Островнов лишает мать жизни не только по приказу Половцева. «Молчи, – говорит он жене. – Она же нас в такую трату даст! Молчи! В ссылку хочешь?»

Человеческая натура сопротивляется этой жестокой логике. И Половцеву, и особенно Островнову тяжело решиться на убийство беззащитных людей. На похоронах матери Островнова «не было человека, который плакал бы так горько и безутешно, как Яков Лукич» (кн. 2, гл. II). Отказывается раскулачивать и воевать с детьми Разметнов.

Но жестокое время неумолимо. Зло порождает зло. Арестованный Тит Бородин кричит Нагульнову: «Помни: наши пути схлестнутся! Ты меня топтал, а уж тогда я буду!» Бежавший из ссылки Тимофей Рванный говорит Островнову: «Мне одна направления дадена. Раз меня казнят, и я буду казнить». Лятевский мстит сотруднику ОГПУ Хижняку, лишившему его во время допроса глаза (кстати, очень впечатляющая деталь даже для «лагерной» прозы!). «Нет, пусть у него закроются оба глаза за мой выбитый им глаз! – восклицает Лятевский. – За око – два ока!»

Этим сценам, где царит злобное и мстительное чувство, предшествует другая сцена. В ней отрицательные герои романа предстают в ином свете. Они ощущают себя в доме Островнова, где пребывают тайно, как в тюрьме. И цветы, принесенные Лятевским, воспринимаются ими как напоминание о жизни иной: «В спертom воздухе горенки одуряющее пьяно, резко вспыхнул аромат петуний, душистого табака, ночной фиалки, еще каких-то неизвестных Половцеву цветов, – и тут произошло неожиданное: Половцев, этот железный есаул, всей грудью вдыхая полузабытые запахи цветов, вдруг расплакался... Он лежал в предрасветной тьме на своей вонючей койке, прижимая к лицу потные ладони, а когда рыдания стали душить его, рывком повернулся к стене, из всей силы стиснул зубами угол подушки. Лятевский, мягко ступая босыми ногами, ходил по теплым половицам горенки. В нем проснулась де-

ликатность, и он чуть слышно насвистывал опереточные арии и делал вид, что ничего не слышит, ничего не замечает...» (кн. 2, гл. XXVI). Но в дальнейшем, как мы видим, лучшие чувства забыты: вновь торжествует злоба, ожесточение борьбы.

В этом поединке с жестоким временем какой же должна быть позиция человека с точки зрения народной нравственности? Люди, живущие, по выражению Ивана Аржанова, «вскачь», как Давыдов и Нагульнов, вовсе не выражают чаяний народа, который живет пока «потихоньку». На колхоз многие казаки-середняки хотят «со стороны поглядеть», «дюже подумать».

Характеризуя главных героев романа, обычно говорят о Нагульнове как о человеке наиболее суровом и прямолинейном из гремяченских коммунистов. Это ему принадлежат слова, адресованные Разметнову, о недопустимости жалости к раскулаченным, если этого требует революция. Это он готов пойти на самые жестокие меры, чтобы гремяченцы перед вступлением в колхоз прекратили резать скот. Однако характеристика каждого из главных героев в отдельности не дает полного представления о них. Сравнительная характеристика героев поможет школьникам увидеть ряд «сцеплений» в художественной ткани романа.

Посмотрим, как соотносятся друг с другом в «Поднятой целине» образы главных героев – коммунистов Гремячего Лога. Обычно на первый план при разборе романа в советской школе выдвигался «сознательный рабочий» Давыдов, в Нагульнове отмечались излишняя горячность, суровость, хотя и подчеркивалась неоднозначность его образа. Фигура же Разметнова в таком толковании оказывалась менее значительной.

Между тем сам текст романа дает основания представить указанных героев несколько иначе (особенно это касается характеристики Давыдова). Вначале обратимся к описанию их внешности. М.А. Шолохов подчеркивает городской вид Давыдова (пальто, ботинки, кепка); в Нагульнове бросается в глаза военная выправка, его рубаха «защитного цвета». Разметнов мало отличается по своей одежде от других гремяченцев и выглядит по-домашнему (чего стоит, например, упоминание о его казачьих шароварах, заправленных в белые шерстяные чулки!). Описывая лица героев, писатель фиксирует внимание читателя на некоторых ключевых деталях. У Разметнова «ясные, как летнее небушко, глаза», у Нагульнова – «мутная наволочь в глазах». У Давыдова же отмечается «один малый изъян: щербатина во рту, да еще на самом видном месте – в передке» (кн. 1, гл. XXXIX).

Осмыслить эти портретные детали поможет школьникам обращение к конкретным эпизодам романа, в которых ярко проявляются характеры главных героев. Обращаем внимание одиннадцатиклассников на то, как ведет себя Нагульнов, когда на собрании бедноты речь заходит о раскулачивании Тита Бородин. Ученики отмечают ремарки, сопровождаю-

щие его слова: «Нагульнов *смущенно* переглянулся с Разметновым», «начал... *нерешительно*», «голос Нагульнова *дрогнул и стал тише*» (курсив мой. – Н.В.). «Как видим, – отмечает учитель, – поведение Нагульнова в этой ситуации совсем не характерно для него. “Наволочь” классовой ненависти не до конца убила в нем живые чувства».

Почему же ему трудно принять решение о раскулачивании Тита Бородина? Ученики говорят о том, что Титок был другом Нагульнова, вместе с ним воевал в Красной Армии. «Как же реагирует на это Давыдов?» – спрашивает учитель. Вначале Давыдов недоумевает, проявляет нетерпение, затем говорит следующее: «Чего ты нам жалостные рассказы преподносишь? Был партизан – честь ему за это, кулаком стал, врагом сделался – раздавить! Какие тут могут быть разговоры?»

Ученики замечают, что у Давыдова упрощенный подход к сложным жизненным явлениям. Для него главным является не чувство, а факт (не случайно, вероятно, писатель именно это слово вводит в речь своего героя, который постоянно его повторяет). Много в гремяченцах кажется Давыдову непонятным: «Хутор был для него – как сложный мотор новой конструкции». Но ведь человеческая жизнь гораздо сложнее моторов! Так постепенно перед школьниками раскрывается смысл портретной детали, характеризующей Давыдова («щербатина во рту»). Он в значительной степени ущербен. Причем, эту ущербность осознает даже сам герой: «И вместо потомства от тебя останется гремяченский колхоз».

Как и герои классических произведений русской литературы второй половины XIX в., главные герои романа М.А. Шолохова проходят испытание любовью. Давыдов и здесь обнаруживает свою ущербность. В отношениях с Варей он долгое время был «слепцом», не понимающим чувств девушки: «Ее первая, чистая девичья любовь наткнулась на равнодушие Давыдова. Но, кроме этого, он был вообще подслеповат в любовных делах, и многое не доходило до его сознания, а если и доходило, то всегда со значительной задержкой, а иногда с непоправимым запозданием... Запрягая быков, он увидел на щеках Вари серые полосы – следы недавно пролитых и не замеченных им слез. В голосе его зазвучал упрек:

– Э-э-э, Варюха-горюха! Да ты сегодня, как видно, не умывалась?

– Почему это видно?

– Лицо у тебя в каких-то полосах. Умываться надо каждый день, – сказал он назидательно» (кн. 2, гл. VII).

А в сцене, когда Варя готова объяснить Давыдову в любви, он предлагает помощь ее матери от колхоза как многодетной вдове. Эти слова приводят девушку в отчаяние, и она прямо говорит о своих чувствах Давыдову. Давыдов выступает здесь как сторона ведомая; его беспокоит то, что Варя неосторожна, что ее может кто-нибудь услышать. Решение Давыдова жениться на Варе слишком рассудочно. Он как бы отгоражива-

ется от ее любви: и тем, что на другой же день посылает Варю учиться; и тем, что сначала намерен провести полевые работы, а потом сыграть свадьбу.

Чувство Нагульнова к своей непутевой жене Лушке гораздо ярче. Суровый Макар многое прощает ей, чего не может понять Давыдов. Ради любви Нагульнов совершает поступок, который совершенно нельзя совместить с его принципами: после убийства Тимофея Рваного он спасает Лушку от ареста, советуя ей исчезнуть из хутора. И в этом поступке проявляется человечность Макара, которая одержала победу над классовым подходом к явлениям жизни.

Однако именно о Разметнове можно сказать как о человеке, умеющем чувствовать и наделенном даром любви. О своей погибшей «незабудной» жене он будет помнить всегда. Он отказался от мщения, пожалев детей Аникея Девяткина. Вспоминая умершего сына, Разметнов не может воевать с детишками при раскулачивании. «Ясные, как летнее небо, глаза» у человека мужественного, прошедшего войну, говорят о его человеческих качествах. «Какие поступки Разметнова свидетельствуют о его наблюдательности и внимании к людям?» – спрашивает школьный учитель. Именно Разметнов, отметят ученики, понял, что люди, представившиеся заготовителями, ими не являются. После смерти Давыдова Разметнов деликатно и тактично решил вопрос о помощи колхоза семье Вари.

Впрочем, Разметнов не выступает в романе как человек абсолютно идеальный. К тому же, как и другие коммунисты Гремячего Лога, Разметнов несмотря на свои «слабости» проводит в хуторе жесткую линию партии. Но все-таки он ближе не любящему «поспешки» народу, чем Давыдов и Нагульнов, никому не дающие «спокою». Разметнов в отличие от них живет «рыском», а не «вскачь».

Как видим, Разметнов для гремиченцев – это Андрюшка, он свой, «домашний». А вот Давыдов – чужой. «Как жители Гремячего Лога относятся к Давыдову?» – задает вопрос учитель. Ответить на указанный вопрос далеко не просто, так как роман отличается большим объемом, поэтому беседу по нему организует сам учитель. Сначала спросим учеников о цели приезда Давыдова в Гремячий Лог. Вызывает ли она сочувствие у гремиченцев? Ученики отмечают, что сочувствие она вызывает далеко не у всех. Даже дед Шукарь «протяжно и огорченно свистнул, узнав, зачем приехал к ним Давыдов. «А что в поведении Давыдова как человека вызывает симпатию к нему у гремиченцев при первой с ним встрече?» – задает вопрос учитель. Ученики зачитывают соответствующий отрывок из текста романа: «Казачи в две затяжки поглощая папиросы шли рядом. Им шибко понравилось, что приезжий не так, как обычно кто-либо из районного начальства: не соскочил с саней и – мимо людей, прижав портфель, в сельсовет, а сам начал распрягать коней, по-

могая кучеру и обнаруживая давнишнее уменье и сноровку в обращении с конем» (кн. 1, гл. II).

Действительно, Давыдов не похож на многих «ответственных» работников-бюрократов, презрительно относящихся к простым людям. В романе Давыдов явно противопоставляется им (и Корчжинскому, и постояльцу Ипполита Шалого). Давыдов сам едет в отстающую бригаду и не только учится пахать, но и своим примером показывает колхозникам, как нужно ударно работать. Естественно, это вызывает симпатию у людей.

Когда Давыдов второй раз приезжает в бригаду Дубцова, его встречают очень тепло: «У Давыдова по-хорошему дрогнуло сердце, когда он увидел, как дружно все встали из-за стола, приветствуя его. <...> С ним успели сжиться, его приезду были искренне рады, встречали его, как родного» (кн. 2, гл. VI). Нравится людям и то, что Давыдов не проявляет злопамятность после «бабьего бунта». С явной симпатией разговаривает с председателем колхоза Ипполит Шалый, стараясь ему помочь.

Однако следует обратить внимание учащихся и на то, что «любушка Давыдов» проводит свою линию весьма жестко. Среди арестованных после «бабьего бунта» оказалась и Игнатенкова старуха, и Дымок – молодой парень-сирота. Новая власть подавляет инакомыслящих. Очень ярко характеризует это время такое высказывание Островнова: «Один про одного доказывают да всякие доносы делают. Лишь бы ему, сукиному сыну, жить...» (кн. 1, гл. XL).

Итак, инакомыслие наказуемо, и Давыдов со всей решительностью выступает проводником этой политики. Обращаем внимание учеников на его разговор с казаком Осетровым. Устин и в дореволюционное время старался во всем заметить «изъяны», за что бывал бит на хуторском сходе. Давыдова и других власть предержащих он также критикует во многом верно. Давыдов же считает, что Устин – «враг колхозной жизни», с которым надо бороться без пощады. Осетров просит председателя «не гневаться» на племянника: «шестеро ребят на его шее... Я ему до скольких разов говорил: «Прибереги язык, Устин! ...Вгорячах ты такое ляпнешь, что сразу окажешься в Сибири... А при чем тут дети? Их воспитать трудно, а посиротить *по нынешним временам* (курсив мой. – Н.В.) можно в два счета...» В данный момент Давыдов жалеет детей и не трогает Устину Рыкалина. Но, как видим, он, ощущающий себя руководителем, выражающим народные интересы, не только начинает походить на барина, не уважавшего простых людей (об этом говорит ему Устин), но оказывается и страшнее дореволюционных начальников.

При этом Давыдов совершенно согласен с данными партией установками. Он, например, не размышляет о том, какие плюсы и минусы будет иметь колхоз и как это отразится на судьбе конкретных людей

(народ же в основном считает, что об этом надо «дюже подумать»). Живущий «вскачь» Давыдов не сомневается в правоте порученного дела и, как исполнитель, он проявляет инициативу в достижении своей цели. Он не ждет указаний свыше о раскулачивании, а принимает такое решение сам, оглашая список кулаков на собрании бедноты. Райком требует от Давыдова в данный момент невыполнимого – высокого процента коллективизации, но выселение кулаков руководство обескуражило: «А вот в чем не надо торопиться, вы моментально обтяпали. <...> Звонит мне в ГПУ Захарченко: “Куда их девать? Из округа ничего нет. Под них эшелоны нужны. На чем их отправлять, куда отправлять?”» (кн. 1, гл. XX).

Многолетний Гаев впоследствии был признан раскулаченным несправедливо и вернулся из ссылки. При этом у него не остается выбора – ему приходится вступать в колхоз. Так сложная и противоречивая жизнь приводилась к одному знаменателю. Однако в романе представлены и самые разноречивые точки зрения на происходящее. Поможем школьникам увидеть эти точки зрения (с этой целью даются индивидуальные и групповые задания). Посмотрим, как герои романа выражают свое отношение к собственности:

Островнов	Нагульнов
«Сдавал и хлеб, и мясу, и шерсть, и птицу... ..сам возля земли кормился и других... кормил. Хоть и не раз шкуру с меня сымали, а я опять же ею обростал» (кн. 1, гл. III).	«Все зло через нее. ...люди, как свиньи у корыта, дерутся... пихаются из-за этой проклятой заразы» (кн. 1, гл. IV).

Различные точки зрения звучат в романе и о ликвидации частной собственности:

Островнов	Любишкин
«Наживал, пригоршни мозолей да гроб нажил, а теперь добро отдай все в общий котел» (кн. 1, гл. III).	«Видно, воевал я за то, чтобы опять богатые лучше меня жили? ...Жилы кулаку перережьте... Отдайте нам его машины, его быков, силу его отдайте, тогда будет наше равенство!» (кн. 1, гл. IV).

В представлении Островнова бедняк – это лодырь, лежавший «всю жизнь на пече». Любишкин к таким лодырям не относится, но из нужды выбиться не может, как и многие другие бедняки, у которых нет быков, поэтому они вынуждены наниматься к кулакам. Бедность ведет к горю и унижениям (вспомним детство Давыдова, юность Разметнова, когда его провожали на действительную службу).

Отношение к богатству в романе также двояко: оно может создаваться тяжелейшим, непосильным трудом и может быть нажито неправед-

но. Тит Бородин выступает и как труженик, и как человек, который не гнушался самым страшным мародерством, чтобы добиться благосостояния. Лапшинов не брезговал никакими средствами, чтобы нажить деньги. Когда Лапшинова раскулачивают, слышны голоса разных людей, преимущественно женщин:

«– А то чего же! Наживал, наживал, а зараз иди на курган.

– Скучноватая песня...

– То-то ему, небось, жалко! А?

– Всякому своя боль больная.

– Небось, не нравится так-то, а как сам при старом прижиме забирал за долги у Трифонова имущество, об этом не думал.

– Как аукнется...

– Так ему, дьяволу, козлу бородатому, и надо!

Сыпанули жару на подхвостницу!

– Грех, бабочки, чужой беде ликовать. Она, может, своя – вот она».

Как видим, толпа и сочувствует раскулаченному, и воспринимает раскулачивание Лапшинова как акт справедливого возмездия.

Разные точки зрения высказываются в романе и о колхозе:

За колхоз	Против колхоза
<p>Давыдов: «Партия предусматривает сплошную коллективизацию, чтобы трактором зацепить и вывести вас из нужды. <...> Только в колхозе трудящемуся крестьянину спасение от бедности. Иначе ему – труба. Кулак-вампир его засосет в доску...» (кн. 1, гл. IV).</p> <p>Майданников: «Можно мне так дальше жить? ...Какое же вы, вашу матушку, имеете право меня от колхоза отговаривать...?» (кн. 1, гл. IX).</p>	<p>Половцев: «Крепостным возле земли будешь» (кн.1, гл. III).</p> <p>Батальщиков: «...и раньше без колхоза мы как-то жили, с голоду не пухли, своему добру были сами хозяева, чужие дяди нам не указывали, как пахать, как сеять...» (кн. I, гл. XXIX).</p>

Следует отметить, что в романе, несмотря на заданную схему не только показывается торжество колхозного строительства, но отмечаются и его минусы: и равнодушное отношение хуторян к колхозному добру и колхозной работе (так как добро не свое и работают не на себя), и иждивенческие настроения у колхозников, когда за всякой нуждой идут к председателю (кн. I, гл. XXIX), и рост советской бюрократии.

Но народ отмечает и то положительное, что принесла советская власть: «Ни один черт из взрослых парней не идет в кузню. Окончательно избаловала их советская власть! Каждый то в доктора метит, то в агрономы, то в разные инженеры...» (кн. 2, гл. X).

«Он, народ-то, при советской власти свою гордость из сундуков достал и не уважает, когда на него кидаются с криком. ...Да, к слову сказать, на казаков и раньше, в царское время, атаманы не дюже шумели – боялись стариков обидеть» (кн. 1, гл. XIII).

Советская власть материально и морально поощряет обездоленных и тружеников (и жену Демки Ушакова, и кузнеца Ипполита Шалого).

Но все не так просто. В романе показано, что подлинного народовластия и при советской власти нет. «Представляя широкий спектр мнений народных, – отмечает И.И. Чернова, – автор сталкивает в массовых сценах две взаимоисключающие точки зрения на коллективизацию: “Колхоз – дело добровольное”, “Ты нас не силуй!” и “Мы им рога повернем! Все будут в колхозе”. В словах, которые “часто говаривал” Разметнов, не только выражена мысль о необратимости перемен в Гремячем Логу, которые связаны со сплошной коллективизацией, но и четко обозначен способ решения проблемы» [Чернова, 1991, с. 101]. Такое давление вызывает горькие высказывания у казаков, желающих остаться единоличниками: «Ближние земли все колхозу отошли, – выходит, что нам будет земля в даях? Скотину не даете, мы, может, на себе, на коровенках будем сеять, и нам же дальняя земля подлежит? Эх, вот она, какая власть справедливая!» (кн. 1, гл. XXX).

Тема «народ и власть» у М.А. Шолохова находит свое продолжение и в описании того, как народ обсуждает статью Сталина «Головокружение от успехов». «Автор сталкивает, – отмечает И.И. Чернова, – разные оценки сталинской статьи. ...Наиболее развернутая оценка вложена в уста Половцева: «...Они не понимают того, что эта статья – гнусный обман, маневр!» Четко определился конфликт «большой политики» с наивной верой в справедливость власти» [Чернова, 1991, с. 102].

Эта власть в дальнейшем могла сместить и тех, кто ей служит. В учебном пособии для 11 класса «Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе об антагонистах Половцеве и Давыдове сказано так: «Уцелей они – их “помирил” бы ГУЛАГ» [Русская литература..., 1991]. Предложим школьникам задание на домысливание: «За что мог ожидать ГУЛАГ Давыдова и его единомышленников – Нагульнова и Разметнова?» Учащиеся отмечают, что такой поворот их судьбы вполне возможен: Давыдов мог пострадать за проявление собственной инициативы в руководстве колхозом, Разметнов – за мягкосердечие к классовым врагам, Нагульнов – за его смелые и прямолинейные высказывания (даже статью Сталина Нагульнов назвал «неправильной!»).

Как видим, роман М.А. Шолохова «Поднятая целина» не только следует заданной схеме, но и отличается многомерностью, объемностью в изображении времени и общечеловеческих проблем. И эту многомерность и сложность надо помочь старшеклассникам постигнуть.

Литература

1. Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе: кн. для учащихся 11 классов средней школы: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Ф.Ф. Кузнецова. М., 1991.
2. *Чернова И.И.* Тема коллективизации в советской литературе 30–80-х годов // Литература в школе. 1991. № 6.
3. *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 8 т. М., 1980.

